

*Елена
Кшанти*

ДЫХАНИЕ ВЕТРА

*Сборник
рассказов*

Елена Кшанти
Дыхание ветра

«Свет»

2017

УДК 82-311.2
ББК 84(2Рос=Рус)

Кшанти Е.

Дыхание ветра / Е. Кшанти — «Свет», 2017

ISBN 978-5-00053-905-7

Новый сборник рассказов Елены Кшанти заставляет задуматься о многом и поверить в лучшее, двигает в сторону духовной трансформации. Трогательные истории о жизни и смерти, любви и страсти, духовности и пошлости, одержимости и непривязанности, материальной и душевной скупости, они совершенно разные, но с одной идеей – все герои желают найти себя, у кого-то это получается, кто-то лишь начинает этот путь, а кто-то так и не осознал, что земная жизнь – тлен и «суета сует». Страстные любовные или яркие и спокойные миниатюры отличаются пространственно-временными координатами, но схожи печально-тихим, ностальгическим настроением, герои рассказов задумываются о том, что они сделали в жизни, а что еще не успели сделать, ради чего живут и куда идут. Разочаровавшись в своей материальной обыденности, они ищут чего-то вечного, нетленного, что существовало изначально и будет существовать всегда. Читатель вместе с персонажами проникнет в свой внутренний мир, задаст себе эти вопросы, и, возможно, станет чуточку счастливее и духовно богаче.

УДК 82-311.2
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00053-905-7

© Кшанти Е., 2017
© Свет, 2017

Содержание

Великий Бодхисаттва	5
Платье	8
Парадокс восприятия	13
Когда ты меня не тронешь	17
Випассана	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Кшанти

Дыхание ветра

Сборник рассказов

Твое счастье не может прийти снаружи.
Джефф Фостер

Великий Бодхисаттва

1

Решено, я буду Бодхисаттвой. Стану Бодхисаттвой и буду заботиться о других. И это внезапное решение как-то смело наполнило душу Володи чем-то значимым и несомненно высоким. Он улыбнулся и обвёл взглядом зал, где по стенам висели тибетские танки, перед ними стоял алтарь на котором курились благовония и блестели позолотой чашечки для подношений. Его друзья по Дхарме слушали внимательно лекцию тибетского Ламы и, вероятно, даже не догадывались, что вот он уже принял решение, что он, Владимир, уже кардинально поменял свою жизнь к лучшему и теперь готов принять на свои плечи огромный груз забот и проблем своих собратьев. Он посмотрел на свою любимую подругу Лизу, с которой приехал на лекцию. И она, как бы почувствовав его благие намерения, повернула к нему лицо с еле видными веснушками и улыбнулась, сжав тихонько его ладонь. Володя, посмотрел на своего соседа, у которого болели ноги, и от изнеможения он вытянул их вдоль сидения и легонько растирал их рукой. И ему стало его жалко. Потом посмотрел на худенькую девушку с мелированными волосами, что сидела впереди, она зябко поеживалась и всё время поправляла сползающую кофточку с прекрасно-выточенного плечика. И он даже почувствовал, как ей прохладно в этой летней кофточке, которая была больше похожа на маечку. И сердце его переполнилось радостью и умилением от того, что на какой-то миг он понял, как всех он может чувствовать, как их любит и желает им счастья.

Но лекция закончилась, и проводив Ламу с белыми шёлковыми шарфами, люди стали не спеша стекаться к выходу, рядом с которым находились полки с обувью, потому что в зал для практики рекомендовалось проходить босиком.

«А где же мои туфли? Вы не видели мои коричневые туфли с пряжкой? Никто не видел мои туфли? Что же мне делать?», – вопрошал, готовившийся заплакать, голос девушки, которая успела накинуть кожаную куртку на свою то ли кофту, то ли майку.

«Вот оно, вот этот момент, когда я могу проявить свою бодхичитту и помочь ей», – подумал Володя.

«Давайте я помогу вам поискать их?», – предложил он.

Лиза удивлённо оглянулась, но промолчала, и встала в сторонку, чтобы подождать, когда вопрос с пропажей туфель разрешится.

Но люди всё шли и шли, и их было много. Они отталкивали Лизу всё дальше по коридору, будто щепку, которая несётся в потоке бурной реки, пока всё-таки эта щепка не перестала сопротивляться этому мощному потоку и не оказалась на улице. Пронизывающий ветер сразу обнял её за плечи, слегка задрал короткую юбку, дерзко обдул лицо и затерялся в накрученных локонах. Она встала на крыльцо и поежилась от холода. Была глубокая осень, и вечер не сулил сильного и внезапного потепления.

– Я скоро, вот только найдём туфли этой девушки и я вернусь, – проговорил скороговоркой, внезапно появившийся Володя, и быстро скрылся обратно в потоке выходящих людей, протиснувшись обратно к двери.

Шло время, и уже все знакомые и даже знакомые знакомых поговорили на крыльце с Лизой, и пожелав ей доброго вечера, удалились в метро и разъехались по домам на своих машинах, а Володя всё не выходил. Улица опустела, крыльцо и двор тоже. Прошло больше часа, а замёрзшая Лиза всё вглядывалась в дверь и ждала появления своего друга. И он вышел вместе с девушкой, но она была в каких-то тапочках, которые явно были ей не по размеру.

– Ничего так и не нашли, все разошлись и полки опустели, а туфли исчезли.

– И туфли-то новые, модные были, – пролепетала чуть не плача девушка, и её длинные мелированные волосы, казалось, тоже поникли, потеряли своё свечение благополучия и достатка.

– А это откуда? – спросила Лиза, показывая на тапочки.

– Уборщица этого клуба дала.

– Ну хоть так...

– Да как же так, я же не поеду в них на метро до Текстильщиков!

Володя растерялся, посмотрел на Лизу, на девушку, и промолвил:

– Лиза, я думаю, что её надо отвезти на нашей машине.

– Да, но ты же знаешь, что я обещала маме быть дома не позже одиннадцати, она ведь болеет и ей надо сделать уколы. А если мы поедем сначала до Текстильщиков, то уж точно не успеем вернуться и к 12 часам ночи.

– Ну тогда поезжай на метро, а я подъеду позже ... Мы же должны воспитывать в себе Бодхичитту. Как сказал Учитель, надо помогать людям, особенно если они попали в беду.

Лиза промолчала, зубы уже нещадно стучались друг об друга, ноги заколели, и тонкое пальтишко совсем не согревало ни тело, ни душу. А времени до закрытия метро оставалось совсем немного.

– Хорошо, – выдохнула она.

– Вот и славно. Я отвезу её и сразу к тебе приеду.

2

От метро надо было идти вдоль забора старого заброшенного завода. Каблуки нещадно цокали и ноги подворачивались. Она не привыкла ходить на них, а одела эти туфли только потому, что ехала на лекцию на Володиной машине и рассчитывала вернуться на ней же.

За её спиной вдали аллеи виднелись силуэты, и это как-то успокаивало, но на повороте пара пожилых людей свернула, и на аллее остался только один мужчина, и он сразу же прибавил шаг. Лиза услышала, что шаги стали более быстрые и оглянулась. Мужчина приближался, к высотке, где она жила надо было идти ещё через сквер, набирать код замка, бежать по лестнице вверх, ждать лифт...

Выхода не было, она рванула к ближайшему дому, но подвернула каблук и чуть не упала. Мужчина заметно оживился, и почти уже побежал к ней. Тогда она сняла туфли и босиком по обжигающему холодом асфальту помчалась к первому попавшемуся подъезду.

Подбежав и рванув дверь, она поняла, что дверь не откроется. Ведь теперь всё везде закрыто... Она судорожно осмотрелась по сторонам, и побежала вдоль решетчатого заводского забора. На её счастье, около ворот, она увидела светящееся окно дежурного. «Надо же», – подумала девушка, «а ведь раньше я не видела, чтобы завод кто-то охранял». Лиза с разлёта забила висячим замком от ворот по стальным прутьям и закричала в голос. Выбежавший из-за поворота мужчина, тут же остановился. Свет фонаря, слабо освещал его одутловатое лицо, с низко надвинутой кепкой.

– Что вам от меня нужно? – спросила, повернувшись к нему Лиза, услышав, как дежурный её услышал и стал открывать дверь.

– Да я просто познакомиться хотел, – сказал, замявшись, мужчина.

– Вот так ночью, гоняясь за мной?

– Ну не хочешь, так и скажи, – пробубнил слегка наигранно он, и стал пятиться назад. Вышел охранник.

– Чё надо? – грубо начал он.

Лиза растерялась ещё больше.

– У меня тут каблук сломался... – начала стуча зубами она.

– Ты, что дура, тут ночью каблуки чинить собралась? Вот шалава... ещё хахаля сюда подозрительного притащила, я что вам тут... – закричал дежурный, дыхнув на Лизу перегаром.

Лиза оглянулась, и увидев, что преследователь её уже скрылся, помолвила:

– Пожалуйста, извините, за мной гнался этот человек, поэтому я к вам постучалась за помощью.

– А, понятно. Ну да я ему сейчас как врежу...

– Не надо, он уже ушёл.

– Тогда чё те надо?

Лиза растерялась. Трудно было понять, убежать или всё-таки попробовать достучаться до этого человека.

– Проводите меня, пожалуйста, до моего дома... здесь недалеко... вы же такой смелый... я вон в той высотке за сквером живу, тут совсем рядом... ну пожалуйста...

– А на бутылку дашь?

Лиза вспомнила, что денег было маловато, но выхода не было. Придётся отдать всё, что есть.

– Да, я думаю, у меня наберутся такие деньги...

Он вернулся на свой пост, нехотя накинул телогрейку, закрыл дверь и взяв в руки фонарик пошёл за Лизой, непрерывно что-то ворча себе под нос.

3

Когда она открыла дверь своей квартиры и включила свет в коридоре, раздался звонок. Звонил Володя.

– Привет, – сказал весело он.

– Ты где? – дрожащими губами произнесла Лиза, опираясь за косяк.

– Я в Текстильщиках. Мы пьем чай с сырниками и беседуем о книгах Виктора Пелевина. Я приеду через часа два.

– Ну ведь уже поздно.

– Да ничего страшного, зато я совершил сегодня настоящий поступок Бодхисаттвы. Ты за меня рада?

Лиза молчала.

Только сильно жгло подошвы ног. Она наклонилась и коснулась рукой стопы, пальцы ощутили что-то липкое. Девушка подняла их к глазам. На них была кровь...

Платье

1

И опять Настя проснулась от своего собственного крика. Соседи по палате нервно переглядывались. Боль резко пронзила стрелой шею и ушла в позвоночник... оказывается во время крика она подняла голову и это было очень больно.

– Извините, – сказала девушка разбуженным соседям и откинулась на подушку, пережидая какое-то время, когда боль притупится.

– Что случилось? – спросила старушка чуть погодя. Ты так сильно кричала, что мы думали у тебя приступ и хотели вызвать врача.

– Нет, ничего страшного. Просто приснился плохой сон, – прошептала Настя, не оборачивая голову, чтобы соседка не увидела глаза, полные слёз. Потолок расплзался и двоились лампочки в плафонах, а слёзы всё текли и текли.

Ей опять приснился отец... Он набрасывался на неё с кулаками, и она не могла забыть его красные выпученные глаза, его душераздирающий крик, почему-то усиленный во сне, словно пропущенные через громкоговоритель, и где-то в отдалении спокойные слова матери: «ну вот такая взрослая девочка, а до сих пор приходится бить, бить, бить...». Эхо слов не замирало, а слышалось повсюду. Почему её надо было постоянно бить, Настя так и не поняла, она не помнила, что делала что-то плохое. И вот прошло уже много лет, а эти кошмары с налетающим на неё отцом, и с пронзающим ужасом детства так и не проходили, а периодически и неизменно повторялись.

«Обход, обход, все по местам, к нам сам профессор пожаловал», – сообщила вбежавшая медсестра, с красивыми глазами фотомодели, и тут же исчезла за дверью.

Больные стали возвращаться к своим кроватям. Насте возвращаться было не нужно, она лежала уже много месяцев, и даже небольшие попытки встать приносили огромные страдания. Посинелые опухшие суставы не разгибались, всё тело давно уже было сплошной пыткой, а мысли путались от непрекращающейся даже во сне боли.

Зашёл профессор с несколькими студентами. Окинув взглядом палату, он сразу же направился к ней:

– Это, вы, у нас лежащая?

– Наверное, – прошептала Настя, разглядывая сквозь пелену боли его полное лицо в круглых очках и сверкающую лысину.

– На что жалуетесь? – спросил доктор, раскрывая ей рот и показывая студентам его внутренности. Но было понятно, что историю её болезни он уже читал, поэтому в ответе не нуждался.

– На жизнь, – прошептала девушка, как только её рот оставили в покое.

Но её уже никто не слушал. Профессор потрогал суставы, профессионально бегло осмотрел исхудавшее тело, открыл веки. И как будто Насти уже здесь не было, стал рассказывать студентам о её состоянии, используя непонятную для неё терминологию. Потом быстро поднялся и вышел. За ним гуськом вышли и все студенты.

– Странно, а что это он нас не смотрел, – сказала пожилая русоволосая женщина, лежавшая напротив. У неё были проблемы с сердцем, кот, оставшийся на попечении соседей и племянник, которому достанется её квартира, если вдруг она умрёт от приступа.

Но оказалось, что это был не обход, это специально приезжали посмотреть на Настю, потому что уже как полгода, перемещая её по разным больницам Москвы, никто не мог поставить ей точный диагноз.

Обход начался позднее. Как всегда врач пришла в палату и медленно стала выслушивать всех и смотреть на их состояние. Насте обход нравился. Потому что было приятно, что кто-то, даже совсем чужой человек, вдруг спрашивает тебя о том, как ты себя чувствуешь, как ты спала, и нет ли у тебя температуры. Это было самое приятное, что она могла вспомнить в больнице. Девушка разгладила свою скомканную ночнушку и, с трудом дотянувшись до тумбочки, убрала всё лишнее подальше от глаз и стала ждать. Врач была молодая, нельзя было сказать, что она была очень профессиональна, потому что её порой растерянный взгляд, выдавал в ней неопытность, но она старательно делала всё вовремя, и больные надеялись, вглядываясь в её глаза, что она не допустит ошибку, и несмотря на молодость, поможет им вылечиться.

– Скажите, пожалуйста, что сказал профессор? – спросила Настя почти шёпотом, когда та слушала её сердце через стетофонендоскоп, смотря прямо в красиво подведённые глаза этой молодой девушке.

Врач отвела взгляд, помедлила, потом решительно повернулась и выдавила:

– Он не может определить точный диагноз. Но это аутоиммунное заболевание. И уже неважно, красная волчанка это или всё-таки системная скоротечная склеродермия, от которой твои внутренние органы будут распадаться, но у тебя, к сожалению, нет шансов! Чтобы мы ни делали, какие бы только лекарства тебе не кололи, даже самые сильнодействующие, но твоя болезнь не переходит в ремиссию...

– Что это означает?

– Это означает, что твоя иммунная система ест собственные клетки. Ты уничтожаешь саму себя, и мы не можем это остановить.

– То есть, я умру?

– Я так не сказала... (Испуганно проговорила врач, хотя было всё и так слишком понятно) – Но мы больше ничего не можем для тебя сделать, – она помедлила, потом тихо продолжила:

– Попроси своих родных, чтобы за тобой приехали на следующей неделе, когда закончится курс гормональной терапии.

– У меня нет родных, – просто сказала Настя.

Родители были живы, но с тех пор как она уехала из дома в Москву, она вычеркнула их из своей жизни, надеясь, что обретёт жизнь другую.

– А где ты живёшь?

– Уже нигде.

– Как так?

– До болезни, когда работала, снимала комнату. Сейчас боюсь, мне за неё уже ничем не расплатиться.

– Ну хоть кого-нибудь позови, мы не можем тебя здесь держать более.

– Хорошо, – вспомнив про свои давнюю подругу Ольгу, прошептала Настя.

2

Спать не хотелось, в который раз Анастасия разглядывала стены больницы, выкрашенные масляной краской, потертые спинки железных кроватей, напоминающих пионерский лагерь, лица спящих людей. Она прислушивалась к их мерному сопению, которое совсем не гармонировало с жизнью города за окном. Она была спокойна, она уже давно догадывалась, что больна чем-то очень серьёзным, что вряд ли она сможет, как прежде теперь ходить, как ходят обычно люди. Она возможно даже не сможет делать обыденные вещи, например, убирать, стирать, сво-

бодно передвигаться по городу... а как она любила бегать... Вот так, бежишь по дорожкам парка, и смотришь, как одна сцена жизни сменяется другой. Вот счастливые дети играют в мячик, вот влюблённая пара, а вот толстячок с питбулем... А ты бежишь вдоль пруда, вдоль клумб с цветами, и твоих длинных шелковистых волосах играет ветер.

Теперь Настя может только лежать, стонать и смотреть в потолок.

Она лысая. Волосы ей срезали по её просьбе. Просто так удобно лежать на подушке, так удобно болеть, потому что мыть волосы уже невозможно. Невозможно, даже просто мыться, потому что это больно. Поэтому её просто обтирают тряпочками, переворачивая с боку на бок, и в это время она боится смотреть медсестре в глаза и на своё костлявое бледное тело.

Настя осторожно пошевелила рукой, потом попробовала подтянуться и сесть на кровати. Одновременно тысячи иголок впились в её кости, кружилась голова и тошнило. И она опять упала на кровать.

Так изо дня в день проходило время. Она каждый день пыталась встать, но опять падала.

После тихого часа соседка напротив не проснулась. Просто не проснулась и всё. Позвали врача и медсестру, и две молодые девушки (вместо мускулистых санитаров) переложили её на железную каталку, накрыли простыней тело и лицо, на котором остался удивлённо раскрытый рот, и увезли в морг. Теперь беспутный весёлый племянник, который её даже ни разу не навестил в больнице, заберёт её квартиру в Москве, на которую она зарабатывала тяжёлым, изматывающим трудом, всю жизнь. И непонятно для чего надо было так жить, во всём себе отказывая, копить, чтобы купить жильё, и в конце, даже толком не успеть в нём пожить, и просто умереть?

На глаза навернулись слёзы, ей стало жалко эту женщину. Жалко её, а не себя. Потому что она была давно никому не нужна, её жизнь была давно подписана под уничтожение, ещё там давно, в глубоком детстве, когда её родной отец, как-то выпив изрядно водки и портвейна, хотел выбросить её с балкона пятого этажа. Жизнь кончилась, так и не начавшись, и поняла она это именно тогда, когда он тянул её к открытой двери за тоненькие ручки, а она упиралась ногами и кричала. А из зияющей открытой двери балкона дышала холодом на неё сама смерть. Её спасли люди, которые находились рядом, но позже она подумала, что зря спасли. Потому что ситуация только ухудшалась и ухудшалась. Она боялась приходить из школы домой, потому что почти не было ни дня, когда она в чем-нибудь обязательно не провинилась, и её нещадно били... Их дом не посещало солнце...

На место той женщины, которая умерла, привели и положили бабушку, сомнительной внешности. От неё пахло чем-то тухлым, она лучезарно улыбалась полупустым от зубов ртом и, казалось, была на пике своего счастья.

– Чему это ты так рада? – спросила дама, которая постоянно любила жевать, и возможно от этого её тело выросло так, что живот и груди передавливались пополам тесным нижним бельём и это было сильно заметно сквозь тонкую ткань халата.

– А как же, вот в обществе очутилась. Дома-то скучно и надо самой варить. А тут и покормят и поговорить есть с кем.

– Так ты что, не больна что ли?

– Да, кто ж в наши годы не болен. Все чем-нибудь больны, но вот столько сил требуется, чтобы в больницу положили, ужас. Я каждые полгода пытаюсь здесь полежать, для меня это как в санаторий съездить или в дом отдыха.

– Ишь ты, какая хитрая, – проворчала жующая дама, – ты, что одна живёшь?

– Ну да, никогошеньки, скучно очень.

– И небось квартира своя в Москве?

– Да, квартира моя.

– Так завещай, вон какой-нибудь молоденькой девушке и пусть она за тобой ухаживает и развлекает.

– Да я об этом думала. Ну вот хотя бы вот тебе, – кивнула она на Анастасию. Люди поёжились, они слышали, что сказал девушке врач.

– Мне не надо, я могу раньше вас умереть, – спокойно проговорила Настя и прикрыла веки.

И все как-то сразу затихли.

3

Вечером пришла знакомая Насти. Ей позвонили из больницы, и предложили забрать больную к себе домой. Ольга деловито села на стул, выслушала все подробности развития Настиного заболевания и потянулась к сумке:

– Я тут тебе подарок принесла, – сказала она и, помешкав, достала пакет, не спеша его распаковала под любопытными взглядами больных. И вот на кровать упало, растеклось, развалилось, обняло Настю над одеялом что-то светло-бежевое, подобно облаку, кружевное, изысканное... Девушка вглядывалась в очертания упавшей невесомой ткани и приходила в ужас... На её кровати лежало потрясающее, красивое платье! То платье, которое было модно именно в этом сезоне. Она вспомнила, что ещё до своей болезни, увидев подобное на девушке в Крылатском, она показала его Ольге, и сказала, что мода сейчас именно такая, о которой она так мечтала в детстве, но тогда были модны пиджаки с большими плечами и плоские силуэты, а теперь такие женственные платья, с пышными и длинными юбками, и они ей так нравятся.

– Оля, я же не смогу его уже надеть, – сказала она грустно, и даже немного обиженно, осторожно перебирая в пальцах невесомую ткань.

– Сможешь. Я сейчас спешу, на следующей неделе я заеду, и мы решим, куда тебя будем селить, – сказала Ольга, встала, поправила свой костюм и пошла к выходу.

Платье, лежало на кровати, своим подолом накрывая Настю, а она смотрела на него и плакала.

На ужин все ушли, она осталась одна в палате, и немного подтянувшись сквозь боль и стоны, смогла спустить ноги на пол. Придерживаясь за изголовье кровати Настя, изо всех сил, скрипя зубами, встала осторожно на ноги и ещё немного подождала, когда стихнет острый разряд удара по опухшим суставам стопы, колен и крестца, потом пройдёт током по позвоночнику и останется в опухших посиневших пальцах. Она потянула на себя ткань и приложила к своей ночнушке это платье, пытаясь разглядеть себя в отражении окна, что находилось около её кровати. Мысли, как кони стали носиться в её голове. Она уже видела себя в ресторане, в театре, в парке, такой красивой, с длинными прядями отросших волос, с красивым молодым мужчиной за руку, который бы понял её истерзанное сердце, окутал бы её своими объятиями, поднял вверх в этом бежево-белом облаке и может быть, у неё бы появился настоящий дом и настоящая семья... Голова кружилась от нахлынувших чувств. Насте жутко захотелось надеть это платье и хоть раз куда-либо в нём выйти. В вечернем окне было ещё плохо видно всё очарование её нового образа. Она в отчаяние посмотрела на большое зеркало, которое висело в дальнем углу их палаты и сделала шаг по направлению к нему... потом сделала ещё шаг и ещё... Через несколько минут такой короткой и такой трудной дороги, она увидела своё отражение в настоящем зеркале и обомлела. Она была красива до безобразия. Похудевшая и изящная в своей худобе, с этим, приложенном к груди, платьем, она была похожа на Наташу Ростову из романа Льва Николаевича Толстого. Она обомлела и медленно сползла на пол, потеряв сознание от боли.

4

– Ну вот и хорошо, пришла в себя, наконец, – услышала она ласковые слова медсестры, которая держала вату с нашатырным спиртом и внимательно рассматривала её лицо.

Анастасия улыбнулась.

– Надо же, встала, чтобы платье померить, – значит, жить будет, – судачили соседки по палате...

И с этого дня Настя почему-то действительно пошла на поправку...

Парадокс восприятия

1

Должен был звонить Майкл, и поэтому Вера ушла на побережье. После вчерашней субботней ярмарки, где, как правило, собираются от нечего делать местные иностранцы и вновь прибывшие туристы, ей не хотелось ни с кем разговаривать и встречаться.

Не потому, что что-то произошло ужасное, нет, всё было как всегда хорошо и весело, а потому что лимит на разговор был исчерпан, и требовалось время на тишину.

Но дома тишины не было, а на побережье, где грохот волн перекрывал слова, сказанные на любом из языков мира и неизменном местном наречии, тишина почему-то была. Словно необходимым условием для создания тишины был этот шум, а для шума – тишина.

И Вера шла по подлизанной волнами кромке берега и радовалась своему внезапному бегству.

Здесь её практически никто не знал, а когда она случайно встречала русских, то почему-то прикидывалась иностранкой, и тем самым избавлялась от фальшивых вскриков (которые означали демонстрацию радости при виде соотечественников), от никому не нужных расспросов и от волнений с этим связанных. Теперь она понимала Раису, женщину, которая уже долгие годы жила в Дхарамсале и делала вид, что она нерусская, упорно отказываясь разговаривать на родном языке даже при общении со своими земляками.

Но возможно её поведением двигало нечто другое. Одной из причин могло быть то, что русские в Индии иногда пользовались не очень хорошей репутацией. Может, это было из-за наших красивых девочек, которые, быстро раскрепостившись после семидесятилетнего застоя, пытались наверстать упущенное и завоевывали мир, тем, чем могли. Долго не раздумывая и не изобретая ничего нового, пускали в ход, то, что им дала сама природа. Жаркие наследники создателя «Кама сутры» заводились сразу, даже только от визуализации какой-нибудь незначительной части тела. Поэтому русским красавицам, той или иной степени свежести, не стоило большого труда зарабатывать здесь деньги небольшие, но бесперебойно текущие.

Верой и её подругой Таней, по-видимому, ничего не двигало, но они, как-то специально не договариваясь, автоматически разговаривали между собой на английском. Во-первых, потому, что хотели попрактиковаться в произношении и усовершенствовать своё знание языка в естественной для него среде, а во-вторых, это было удобно, так как он был понятен исключительно всем: и французам, и итальянцам, и даже избранному местному населению, с которым они здесь часто общались.

Но сегодня Вера была без подруги. Бесцельно прослонявшись по еще горячему песку пляжа, девушка добрела до ресторана, который был похож на корабль или, может быть, им некогда являлся, и, выбрав небольшой столик в конце огромного зала, стала с умным видом читать меню.

Кушать ей не хотелось, просто хотелось где-нибудь посидеть, а так просто посидеть было неприлично. Она заказав легкую закуску, принялась за своё любимое занятие – рассматривать отдыхающую публику.

В Гоа публика была, что ни есть самой, что ни есть интересно-развлекательной. Только здесь можно было встретить девочек-пенсионерок, ярко-выраженных растаманов со всеми полагающимися атрибутами, и других диковинных представителей человечества, съезжающих сюда со всего земного шара.

И в этот раз за соседним столиком весело отдыхала компания из людей неопределенного возраста. Особенно Вере понравилось наблюдать за одной из женщин лет шестидесяти. Её детские косички весело болтались над сморщенным, но очень жизнеутверждающим лицом, а ярко-зеленые трусики-стринги, по последней молодежной моде, как и полагается, высывались ляжками наружу из-под низко приспущенных штанов, которые, в свою очередь, без зазрения совести бесстыже оголяли дряблый живот. И всё это было совершенно органично и привычно для здешнего общества. И Вере тоже было радостно за эту женщину, которая, несмотря на свой возраст, оставалась вот такой – смешной и задорной. И это увядающее оголённое тело, лишней раз напоминало человечеству о бренности всего живого и о красоте ужасного. Словно она своим поведением и видом бросала свою весёлую улыбку в беспредельную Вечность, и время отступало, давая ей еще глоток наслаждения полноценной жизнью.

Веру вообще удивлял тот факт, что особенно в Индии беспрепятственно оголять женское тело, можно было лишь тогда, когда именно это тело уже теряло свои признаки свежести. И задорные бабушки-иностранки, на зависть молодым, пересекали не только в Гоа, где уже ничему никто не удивлялся, но и по всей жаркой стране в коротеньких просторных шортах, в еле прикрывающих грудь блузках и с неизменными детскими панамками.

Девушка задумчиво сравнивала эти образы с образами пожилых людей на её родине. В России уважают статусное поведение, это печально, потому что, чтобы к тебе прислушивались, надо становиться взрослым...

Взросление закрепощает наш ум в определённых границах, подобно тому, как жёсткий костюм закрепощает наше тело. Вера работала в Москве в крупной компании и для неё это всегда было огромной проблемой – носить неудобные вещи, чтобы казаться преуспевающей. Это совсем не так, как у иностранцев, которые могут ходить даже в пожилом возрасте в шортиках и употреблять имена без отчества, но при этом очень уважительно и по-доброму относиться друг к другу.

Однако стоило признать, что культура западных стран – принятия всего и всех – хоть порой и впадала в крайности, но в большей степени способствовала проявлению добрых чувств, в отличие от ещё до сих пор консервативной России.

Образ растамана был гораздо сложнее. Начиная с мастерски закрученных прядей торчащих волос, полинялых и расписанных причудливыми узорами тряпок и, заканчивая проткнутыми и тем самым «облагороженными» частями выпирающих отростков на теле. Эти образы будили воображение, отдаленно напоминая те самые миры, в которых прибывали во времена «отлётов» их хозяева.

Поведение индусов, которые приезжали в Гоя со своим многочисленным потомством, особенно не отличалось от повсеместного индийского. Они традиционно расхаживали стайками по берегу, только слегка намачивая ноги, и не сводили глаз с иностранцев. Для них иностранцы, очевидно, были представителями другой, отличной от их Вселенной, и часто индийский ум вставал в тупик: считать ли иностранцев бездуховными, отсталыми и омрачёнными существами, как трактуют порой их Проповедники или же всё-таки видеть в них представителей прогрессирующей в своём развитии цивилизации. Этот вопрос был очень трудный. Налицо лишь было видно одно, что иностранцы богаче и благополучнее, и то, что они приезжают в Индию, для Индии есть несомненное благо в поддержании её экономики. Поэтому не решив основных противоречий, индусы старались держаться от иностранцев обособленно, слегка на расстоянии, но постоянно, держа этот разгульно-раскрепощенный народ под своим пристальным наблюдением.

Вера взяла бокал с охлаждённым коктейлем, который принёс учтивый официант, и смотря вдаль, стала легонько потягивать прохладную приятную на вкус жидкость из соломинки. Там около линии горизонта океан, начавшись волнами у берега затихал, вытягивался в темно-синюю линию, которая была поддёрнута дымкой и поэтому больше напоминала мираж.

– Сегодня вода мутная, – сказала на английском Татьяна и обрызгала Веру, качнув на её плечо мокрыми прядями волос.

– Ты как всегда вовремя. От тебя никуда не скроешься.

– Конечно, не скроешься. Я же знаю твой постоянный маршрут прогулок. Вера, как ты вчера могла так внезапно исчезнуть? На ярмарке был концерт и выступали такие красивые парни со своими трюками. А также были все наши друзья из Италии. Майкл спрашивал о тебе.

– Ты всё меня хочешь с кем-то сдружить? Ты же знаешь, что я уже почти подружилась со своим одиночеством. Я не верю в земную любовь, я не верю в благородных мужчин, я сама умна и самодостаточна.

– Зачем ты так? Просто я за тебя переживаю. После развода ты стала гораздо печальнее.

– Это естественно. Что-то разрушилось, и это надо принять и пережить, – Вера печально посмотрела на весёлую мокрую подругу, вздохнула и улыбнулась. Она изящно потянулась и поправила платье, купленное на побережье у бойких торговцев и явно свидетельствующее о непостоянстве этого мира, потому что швы на нём уже слегка расползались, а ткань чуток полиняла, но всё же оно являло собой нечто красочное и притягательное для глаз...

– Можно я присяду за ваш столик? – Учтиво спросил подошедший молодой человек романтического склада, со следами ещё неподпалённой на солнце бледной лица.

Девушки переглянулись, но молодой человек, даже не подождав ответа, тут же отодвинул стул и сел напротив.

– Отдыхаете? – Начал он, не совсем остроумно.

– Есть другие варианты? – Скорая на язык парировала Таня.

– Ну не знаю, может быть, кто-то здесь и работает...

Но поняв, что тем самым можно оскорбить девушек, парень тут же спохватился, и добавил:

– Например, приехали в командировку, – как-то нескладно затянул он, смущенно перебирая салфетку.

– Если вас это сильно интересует, то просто отдыхаем. А вы откуда? – Настороженно продолжала Татьяна.

Но парень не успел ответить, потому что откуда-то из прилегающего пространства вынырнул другой молодой человек, слегка белёсый и уже покрасневший от солнца, и на чистом русском произнёс:

– Слав, ты чё к ним клеишься, ты видел какие они задрипанные? У них даже денег на приличную одежду нет, в местные тряпки вырядились, вряд ли мы тут бабло срубим. Пойдём, я там крутых тёлок присмотрел в другом конце зала, – и он схватил его за рукав и уже хотел потянуть за собой, но Славик обернулся и Вера с Таней весело рассмеявшись, тоже на чистом русском произнесли:

– Идите, идите, альфонсики, мы по вам не будем плакать.

Ребята оторопели:

– Так вы ещё и русские! Вот блин... а разговаривали на английском, – проговорил расстроено Славик и виновато посмотрел на своего друга.

– Да, вам не повезло, – заключила Таня, отвернувшись, и стала делать заказ подошедшему официанту.

– Прощайте, – сказала спокойно Вера и ребята ушли, даже не испытав особого стыда.

– Да, благородства становится меньше, – произнесла подруга, отпустив официанта и возвращаясь к теме.

– А ты говоришь, что нужен мужчина... – задумчиво проговорила Вера, – зачем? Если я всё могу делать сама, в том числе и зарабатывать деньги. Для удовлетворения сексуальных нужд долго искать не надо, а вот для жизни, это вопрос.

– Может ты и права, – пожала плечами Татьяна и глотнула принесённый коктейль, – может быть, не все такие...

Но вдруг что-то вспомнив, рассмеялась:

– Господи, что бы было с этими мальчиками, если бы они узнали, что мы такие «задрипанные» работаем в крупной компании “Поток-Интер”, достаточно известной в Москве, и неплохо зарабатываем! Однако мы хорошо законспирировались, купив эти цветастые тряпки местного пошива...

И девушки рассмеялись, громко и непринуждённо, залив тихий ресторан своими звонкими колокольчиками смеха.

На пороге ресторана появился Майкл, как всегда в своей полинялой серой футболке и с разноцветной повязкой на лбу и, увидев девушек, сразу же направился к ним, растянув лицо в счастливой и доброжелательной улыбке.

– Вот вы где. Я так и знал, что встречу вас здесь, не спешите наедаться, у меня для вас сегодня будет потрясающее блюдо нашей итальянской кухни и знаменитое вино «Амароне» под музыку моих песен из нового альбома.

Девушки завизжали от радости. Вечера на вилле этого причудливого итальянца были всегда незабываемы, наполненные интересными рассказами, красивой музыкой и изысканными угощениями...

Сегодня Майкл показался девушкам наиболее обаятельным.

Когда ты меня не тронешь

1

Переполненный автобус бесстыже толкал их друг к другу. И Ольге было смешно смотреть на Дениса, такого слегка смущенного и красного до кончиков ушей от этой их неожиданной близости. Но когда автобус проехал огромный мост, связывающий две части города, народу значительно поубавилось и они спокойно сели на освободившиеся места.

Денис был старым знакомым Ольги. Когда-то, ещё давно они вместе учились на факультете Геофизики и жили на одном этаже общежития Новосибирского Государственного Университета. Именно того Университета, где вузовскую программу проходят за три года, а на остальных курсах студенты уже занимаются практикой в самых настоящих Научно-исследовательских институтах, а после распределения становятся полноправными научными работниками.

Для Дениса это было вполне естественно, а вот Ольга в НИИ не попала, жизнь занесла её на Алтай в Геолого-разведочную экспедицию. Поначалу она приехала туда только на практику, но спустя какое-то время неожиданно для себя поняла, что без Алтайских гор она уже жить не может. Да и люди её окружали интересные, бредившие мистикой и разными мистическими Учениями. И не беда, что быт не так благоустроен, как в городе и много времени приходится проводить в дороге, объезжая шахты и штольни, делать постоянные замеры и контролировать бурение скважин для добычи кёрна, образцов пород. Конечно, она могла постоянно сидеть в своём кабинете, обрабатывая полученную документацию, но её душе этого было мало. Всё равно время от времени она садилась с рабочими в вахтовку и выезжала в горы. Там, под Алтайским добродушным небом, под обжигающим солнцем и ласково овеваемая пахнущим душистыми травами ветром, она как будто заново оживала и наполнялась энергией. Горы будили в ней восторг и вдохновение к жизни. Девушка лихо взбиралась на самые вершины, не боясь высоких пиков скал и падающих камней, чтобы посмотреть, как мир вокруг становится более обозримый нежели, когда ты находишься внизу. Любила сидеть на краю пропасти, что так близко разделяет жизнь с возможностью из неё исчезнуть, и думать о причудливости бытия. И каждая вершина, словно приближала её к небу, к такому далёкому и одновременно близкому её сердцу.

«Ты делаешь глупость, – говорили друзья, – возвращайся в Новосибирск, здесь столько перспектив сделать хорошую карьеру, а ты теряешь время в какой-то глуши, в обществе не обремененных культурой людей и подвергаясь опасностям на горных дорогах, укусам змей, нападениям диких животных.

Но Ольга качала головой и загадочно улыбалась. Конечно, она понимала, что время идёт, и что-то она может упустить, и больших высот при своём возвращении в социум уже не добиться, так как потеряются связи, новые выпускники займут лучшие вакантные места и так далее. Но она чётко ощущала и то, что даже самый комфортабельный кабинет и уважение коллег не затмит это ни с чем не сравнимое чувство, которое появилось у неё, когда она соприкоснулась непосредственно с природой этого уникального края. Ей посчастливилось попасть в геолого-разведочную экспедицию, которая базировалась прямо рядом с легендарной горой Белухой. Это была самая красивая гора Алтая, о которой было сложено и написано много мифов, рассказов и даже велись научные исследования. Сами алтайцы считали эту гору священной, мировой горой звёзд священного Ориона. Её белоснежные вершины, покрытые вечными ледниками, ближе всего были к синему небу, поэтому считались обиталищем Богов.

Именно здесь, на Алтае, столетиями люди искали таинственное Беловодье – священную страну счастья, а по мнению Рерихов, здесь находились ворота в Шамбалу. Ольга даже не сомневалась, что всё дело именно в том, что это место на планете, овеянное загадочностью и потрясающей красотой, действительно наполнено необъяснимым мистическим смыслом, который привлекает и завораживает людей. Ни для кого не было секретом, что многие люди с пылким воображением действительно застревают в этих горах на всю жизнь.

Денис тоже хотел съездить на Алтай, но всё как-то не получалось. Жизнь текла стремительно, и он с удивлением обнаружил, что после окончания Университета прошло уже семь лет, а он вроде бы, как будто только вчера вышел из его широко распахнутых высоких дверей. Время не оставляло почти никаких следов, и ему нечем было ни погордиться, ни похвастаться. Только унылые будни с одним и тем же маршрутом в лабораторию и обратно домой, которые напрочь съедали его жизнь, не оставляя в памяти ничего существенного и ценного.

Они встретились совершенно случайно. Он даже её сначала не узнал, из юной пацанки она превратилась в модную привлекательную девушку. Обтянутые джинсы, короткая золотистая куртка, очки в пол-лица и ярко оранжевые короткие волосы.

Он ещё какое-то время стоял и смотрел, как эта яркая девушка пробиралась по салону автобуса, пытаясь найти свободное место. Но автобус резко завернул вправо и она, падая, схватила его за руку.

– Ольга? – прошептал робко он, неожиданно узнав её обворожительно ясные голубые глаза, когда девушка смущенно извинилась и сняла свои огромные очки.

– Да, – удивлённо ответила она, вглядываясь в его лицо, и усиленно пытаясь вспомнить, где это лицо видела.

– Я Денис, мы учились на одном курсе в НГУ, – облегчил он ей задачу.

Ольга рассмеялась:

– Ну конечно же! А вы даже помните моё имя!

– Да, помню, – слегка покраснев, пролепетал он.

Он помнил не только её имя. Он помнил даже какого цвета у неё был байковый халатик, в котором она часто выходила в коридор общежития. И, конечно же, он помнил её стройные ноги, которые халатиком практически не прикрывались с самого своего основания. А ещё то, что со слов сокурсников, многие ребята были в неё влюблены и она меняла сексуальных партнёров, как перчатки, не задумываясь, не смущаясь, а казалось, наоборот демонстрируя всем такое поведение, как вызов общественной морали и нравственности. Но про это он промолчал.

Так они встретились, а теперь сидели у него дома на кухне и пили душистый чай, пока не пришла его мама с работы. Она удивлённо окинула подозрительным взглядом яркую оранжевость её волос и, не выразив на лице ни радости, ни особого разочарования, ушла в свою комнату.

По всей видимости, таких гостей рядом со своим сыном она встречала нечасто.

– У тебя есть девушка? – спросила Ольга.

– Нет.

– А у тебя когда-нибудь она была?

– Да, но это было очень давно.

Ольга жалостливо вздохнула. “Наверное, у него какие-то сексуальные проблемы, раз он так долго остаётся один” – подумала она.

Но, немного помолчав, всё же спросила:

– Почему вы с ней расстались?

– Потому что меня забрали в армию, а она нашла другого.

– А что ты сделал?

– Я занялся каратэ.

– Зачем?

– Было очень больно, мне надо было как-то забыться.

«Да, наверное, у него остался какой-то комплекс неполноценности», – почти не сомневалась Ольга.

– И что, после этого у тебя никого не было?

– Были, но они почти не считаются. Я не хочу больше никаких серьёзных отношений и не хочу никакой привязанности.

«Наверное, я права, – подумала Ольга, – иначе, как так может мужчина взять и отказаться от каких-либо отношений с женщинами? Значит, он совершенно неинтересный в сексуальном плане».

Немного изголодавшись в далёких горах по тёплым ласковым прикосновениям, она с сожалением констатировала, что о сексе она всё-таки думает.

Когда Ольга собралась уходить, то его мама тихонько вышла из своей комнаты, улыбнулась и выдавила из себя:

– Вы можете приходить к нам, Оля.

И девушка скромно кивнула, подумав, что может и зайдёт. По крайней мере, она собралась пробыть в Новосибирске весь отпуск, а отпуск у неё продлится целых сорок пять дней.

Но он приехал к ней первым, если не считать того, что она ему позвонила и пригласила в гости. Просто эта неожиданная встреча навела её на мысли собрать однокурсников, узнать об их жизни, восстановить старые связи, обсудить новости в современной науке, которая, по всей видимости, во времена кризиса, даже в знаменитом Новосибирском Академгородке претерпевала сложнейшие видоизменения.

И это был чудный вечер, когда впервые за много лет собрались близкие по духу люди, которые несколько лет вместе жили в Студгородке, искусно затерянном прямо среди Сибирской тайги, с неизменными ручными белками и огромным искусственным Обским морем.

Воспоминаниям не было конца, и опять как в студенческие годы пелись под гитару песни, рассматривались фотографии и вспоминались незадачливые педагоги. Но пришло время, и надо было расходиться.

Ольга у порога провожала гостей, а Денис просто надел кухонный фартук и стал мыть грязную посуду.

Когда она зашла на кухню, всё уже было вымыто и аккуратно сложено в сушилку. Как-то неожиданно стало уютно и тепло в её квартире. Денис улыбнувшись, снял фартук и повесил на крючок.

– Ну что ж, и мне пора, – сказал он и направился к двери.

– Если хочешь, ты можешь остаться, – нерешительно прошептали её губы.

– Нет, мне лучше уехать, – ответил он, оборачиваясь.

– Остайся, – сказала опять она и посмотрела в его глаза прямо и без смущения, – обещаю тебя не трогать.

Ольга сама не понимала, почему именно сейчас ей не хотелось остаться одной, хотя ещё совсем недавно, расставшись со своим мужем, который, как оказалось, в её отсутствие делил их супружескую постель со встреченными на улице девицами, клялась, что мужчинами она сыта по горло, и заводить их больше не будет.

Да и нужен ли был ей сейчас мужчина? Или просто ей нужен был друг? Или просто она поняла, что одиночество слишком охлаждает сердце, и чтобы прийти в себя, нужен хоть какой-нибудь человек, который просто немного побудет рядом?

Кровать была одна.

Ольга улыбнулась, уловив смущенный взгляд Дениса:

– Я действительно тебя не трону, ты просто поспишь и утром поедешь домой, ведь уже поздно, транспорт почти не ходит, а ты живешь далеко.

Денис молча стянул с себя верхнюю одежду, и лёг рядом.

Ольге поначалу даже было интересно, как он себя поведёт в такой ситуации. Судя по их встрече, да и насколько она помнила его по Университету, он был очень застенчивый, и уж точно бояться с его стороны было нечего. Но Денис, оказавшись с ней в одной постели, не смутился, он спокойно обнял её и положил себе на плечо. И ей почему-то стало приятно, что именно он положил её на своё плечо, а не она. Потому что до этого, всех своих мужчин укладывала на плечо она, и те почему-то сразу принимали её за маму и вели себя соответствующе, скидывая на неё всю ответственность за их отношения, даже если были старше её по возрасту.

Так невинно прошла их ночь. Она действительно его не тронула. Они даже не поцеловались, но почему-то когда она утром закрывала за ним дверь, ей показалось, что она провожает почти родного ей человека.

«Может быть и хорошо, что у него комплекс перед насчёт женщин», – подумала она, – «Вполне возможно, что именно такой мужчина может оказаться верным и надёжным другом по жизни и именно на него можно во всём положиться. Ведь, в конце-то концов, секс совсем уж не так важен в отношениях, как настоящее взаимопонимание и забота друг о друге», – и Ольга почувствовала, что её решимость забыть про мужчин, была не очень разумной.

Хотя, надо признаться, что вернули её к этой мысли предсказания цыганки, которую случайно она повстречала на железнодорожном вокзале.

2

Через неделю Ольга позвонила Денису опять, и попросила его починить компьютер. И он пришёл. И пока он смотрел компьютер, она просто подошла и обняла его, зарывшись в волосы, проскользнув по шершавой щеке к губам...

Денис осторожно сгрёб её в охапку, и они вместе сползли на ковёр, увлечённо и подробно изучая друг друга...

Всё сложилось само собой без лишних слов и спектакля, они не покидали постели много часов, насыщая свои тела близостью, которые оба давно не испытывали, и измождённые, но совершенно довольные засыпали только под утро.

Они встречались ещё и ещё. И Ольга уже мечтательно думала, как они вместе будут заниматься своей геофизикой, а в свободное от работы время бегать на лыжах и ездить в турпоходы. Как у них родится маленький сынишка с таким же вздёрнутым носом, как у Дениса. И всё будет хорошо, потому что теперь она знала, что она встретила именно того парня, о котором когда-то сказала ей старая цыганка на вокзале: «Когда будешь в Новосибирске, присмотришь внимательно к своим знакомым, среди них ты найдёшь человека, который станет тебе хорошим мужем, вам будет хорошо вместе и он будет о тебе заботиться. Только не упusti его».

И теперь вспоминая жаркие объятия Дениса, она точно знала, что она его нашла. Даже не нашла, а вот так встретила, потому что не встретить не могла.

– Только как же не упустить-то его? – спросила совета она у своей подруги Марины.

– Мужчин чем меньше держишь, тем больше они держатся за тебя, – ответила мудро Марина, и пожала плечами, – может быть надо сделать вид, что ты к нему равнодушна?

Ольга недолго думала, и при следующей встрече, она, чмокнув его в щеку, сказала:

– Я скоро уезжаю обратно в экспедицию на Алтай и не знаю когда вернусь, ты будешь мне иногда писать письма?

– Не знаю, – тихо произнёс он и весь вечер оставался слегка рассеянным и задумчивым.

На следующий день, позвонив по телефону, она его не обнаружила. Его не было дома, его не было на работе, его мобильник упрямо говорил, что он недоступен.

С домашнего телефона отвечала только его мама, и когда Ольга позвонила в десятый раз, то мама не выдержала и сказала, что его всё ещё нет и звонить, наверно, больше не стоит.

Он появился через неделю, и на вопрос где же он пропадал, он ответил сухо и внятно, что был за городом и занимался своими делами. А ещё он сказал, что им больше не стоит встречаться, и с самого начала он её предупреждал, что не хотел серьёзных отношений.

– Что ты теперь будешь делать? – поддельно безразличным тоном спросила его она.

– Пойду, займусь каратэ.

3

Ольга долго плакала, зарывшись в подушку. Она не понимала, как она такая красивая и привлекательная для многих мужчин не привлекла его, обычного, и особенно ничем не блистающего мужчину.

Значит, она постарела, стала некрасивой, неинтересной, раз её долго и безнаказанно обманывал один, а другой почему-то через месяц неожиданно бросил.

Комплекс неполноценности не заставил себя долго ждать. И жизнь, казалось, кончилась. Но она собрала силы, свои вещи и уехала в спасительные горы Алтая. Она попыталась забыть Дениса.

Ольга четыре года находилась на Алтае в Геолого-разведочной экспедиции, которая стояла в Малакамском ущелье, прямо над рекой, где коршуны каждое утро вычерчивали синее до боли небо и пели никому невидимые птицы.

И вдруг как-то утром на их базу приехала комиссия из Новосибирска. У Ольги застучало сердце, какое-то невнятное предчувствие затмило разум, она со всех ног мчалась в контору и не ошиблась. Из вахтовки свои рюкзаки выгружали её сокурсники, в числе которых был и он. Денис скидывал рюкзак и во все глаза смотрел на Ольгу.

Странно похорошевший, с небольшой щетиной, слегка одичавшего геолога, в импортной штормовке с нашивками по всем правилам полевой жизни, с туристическим снаряжением яркого покорителя обрывистых скал, он почти являл из себя образ её мужского идеала. Она отвела глаза, попыталась сделать вид, что никогда ничего между ними не было. И никто ничего не заметил: ни друзья, с которыми он приехал в эту долину, ни её соседи, ни даже самая близкая подруга.

После обеда Ольга проводила их вглубь гор, где они разбили палаточный лагерь. Она легко и беззаботно шутила и смеялась, когда помогала им ставить палатки, и когда они все вместе гуляли по горам, осваивали тяжёлые тропы над водопадами, загорали под палящими лучами солнца.

Денис был счастлив и весел, и ничто в его облике не выдавало никакого волнения перед Ольгиным взором. Она была уже уверена, что всё, что между ними было, осталось далеко позади, что-то похожее на сон или на выдуманную историю, от которой не было и следа.

Прошла неделя. Он вставал раньше всех и уходил в горы, он занимался йогой и собирал лекарственные растения, и казалось, ни множество оголённых девушек, ни Ольга, никто не мог отвлечь его от этого занятия, пока однажды не началась гроза. Девушке пришлось задержаться высоко в горах. Спуститься вниз, где она жила было уже невозможно, потому что быстро сгущающаяся тьма и буря с градом, делали такое предприятие, мягко говоря, безумным.

– Оля, тебе лучше остаться в лагере, – сказали ребята.

– Хорошо, я переночую в палатке вместе с Валерой, – весело заявила она, подмигнув давнему другу Дениса...

– Ух ты! – сказал Валера.

Он был самый безобидный из парней. Мягкий и заботливый, поэтому ночевать с ним в палатке, которую к тому же он занимал один, не представлялось ей опасным.

– Да нет же, о чём ты подумал? – подтрунивала она его, – я просто буду спать в твоей палатке тихо и без всяких фокусов, – ещё веселее добавила она.

И тут Денис почему-то востропел:

– Не надо, я уступлю тебе свою палатку, а сам переночую в палатке вместе с Валерой.

Ольга вскинула на него глаза, но внезапно согласилась:

– Хорошо, – сказала она и, забрав предложенный спальник, удалилась в палатку Дениса.

4

На следующее утро, она работала над документацией, но перед глазами то и дело проплывал его взгляд, его внезапное волнение, его тёплые руки, передававшие пахнувший его телом спальник.

К чему бы это? Ведь он её просто и бездушно бросил...

Вечером, когда она вернулась в свой служебный домик, в дверь постучали. На пороге стоял Денис.

Он смотрел ей прямо в глаза и молчал.

– Заходи, – сказала она и открыла шире дверь.

Она знала, что он хочет о чём-то с ней поговорить. Она это чувствовала. А может быть, ей просто казалось.

За окном было уже совсем темно, когда они допили чай, и рассказали друг другу все последние новости. Но было чёткое ощущение, что он не сказал ей самое главное, для чего пришёл.

– Ты можешь остаться и здесь переночевать. Последний автобус уже ушел, сказала она, сгребая с кровати одеяло в охапку и направляясь к раскладушке, потом немного постояла, посмотрела на него и добавила: – Можешь не бояться – я тебя не трону.

Их глаза встретились...

– А я этого и боюсь, – еле слышно сказал он.

– Что? – не поверила своим ушам она, – ты боишься, что я тебя не трону?

– Да, – спокойно, глядя ей в глаза, повторил он.

– Ну как же так, ведь когда-то ты бросил меня, как не нужную... – но она не договорила. Она села на стул с одеялом в руках и только теперь, четыре года спустя, глядя в его жутко искренние глаза, поняла...

Она поняла, что он никогда не бросал её, он её любил, своей трагичной, страстной и непонятной любовью, от которой и пытался все эти годы скрыться, убежать, забыться, истязая себя всевозможными восточными единоборствами.

Девушка смотрела на него и теперь ясно осознавала, что его любовь была огромной и сильной, и настолько захватывала всё его существо, что боясь предательства, он постоянно с ней воевал. Именно поэтому он убежал от Ольги, именно поэтому он поступил так неоправданно жестоко, потому что просто иначе не мог.

Он её оттолкнул, потому что боялся привязаться к ней, а потом неожиданно потерять.

Ольга смотрела в его глаза, и всё понимала, понимала до основания, до боли в груди, но уязвлённая гордыня добавила очередную глупость. Она сделала безразличный вид и сказала:

– Ты же меня оттолкнул, а мне ничего не надо было от тебя, только иногда встречаться ради секса или может быть сделать ребёнка.

И Денис понурил голову.

– Неужели ты думала, что я мог позволить жить моему ребёнку где-то вдали от меня? Неужели ты думала, что меня могли устроить редкие встречи для секса? – Он судорожно смял свой шейный платок, встал, прошёлся к окну, потом обернулся:

– Не стели мне постель, не надо, я всё равно уйду, до лагеря не так далеко и здесь не так много диких животных, чтобы бояться ходить по горам в тёмное время суток.

Денис поднялся, надел куртку и направился к двери.

Ольга его не остановила.

Только ночью она долго смотрела в проём окна, где безжизненное лицо луны проплывало над вершинами гор, и было холодно.

Випассана

1

Невообразимая реальность. Временами тело деревенело и теряло чувствительность, но всегда на смену этому приходила боль в ногах и ломота в спине. Пышные подушки не убавляли боли, коврики не прибавляли комфорта, иногда работали вентиляторы, но это не спасало от духоты вызываемой множеством человеческих тел, замкнутых в одном пространстве.

Валерию хотелось уйти, выбежать из этого зала прямо сейчас. Именно сейчас, когда все рядом, казалось, были погружены в свои собственные реальности, Валерия его личная реальность совсем не устраивала. Пусть мистер Гоевка хоть в сотый раз скажет ему по видео, что это его личные накопления и от них никуда не убежишь, рано или поздно они всё равно проявятся. Проявятся совсем неожиданно, не запланировано и в самый неудобный для этого момент. И надо всё пустить в «свободный поток», но о каком свободном потоке шла речь, Валерий совершенно не понимал и, если быть честным, то уже понимать не хотел.

Впереди кашлянули, потом кто-то захрапел и в довершение с левой стороны раздался звук пукающего основания. До носа Валерия долетела характерная волна запаха переваренной кишечником пищи, и он поперхнулся. Он больше не мог пытаться концентрироваться на дыхании, которое столь неотступно затягивало в его душу отработанные выхлопы зашлакованного и явно немолодого тела.

Перед глазами показался затянутый белой тканью пол. «Почему именно белой, ведь её просто затопчут», – подумал он и понял, что уже открыл глаза, которые открывать во время медитации не рекомендовалось.

Люди, подобно замершим истуканам, сидели с закрытыми глазами и что-то пытались понять, почистить или привести в порядок в собственном мире.

А у Валерия никакого мира не было или просто он его ещё не успел обнаружить. Просто когда он закрывал глаза, то погружался в сплошную темноту, которая слегка высвечивалась отблесками солнца из-за плотно занавешенных окон, и в этой неполной и непонятной темноте ему становилось скучно.

Всё было сложно. Первые три дня давали техники дыхания, к которым было трудно привыкнуть, так как Валерий никогда с ними не сталкивался. Росла досада на Олега, который затащил его в этот ашрам, обещая что-то невообразимое. Не успел Валерий спуститься с неба на землю в аэропорту имени Индиры Ганди и уже собирался взять такси на Дхарамсалу, как выросший, как будто из-под земли Олег, вместо обычных приветствий и дружеских объятий, схватил его за руку и повёл к машине, впопыхах рассказывая о чудесном опыте какой-то медитации. Медитации, которая по его словам, исцеляла всё: и тело и душу, и это было то, чего по мнению друга, так сейчас не хватало Валерию. И назывался ашрам, где медитация проходила десять дней, Dhammasota, находится всего лишь в тридцати четырёх километрах от Дели.

Да, конечно он жаловался Олегу на усталость, на перенапряжение, потому что был кризис, и фирма переживала не лучшее время, ситуация была до такой степени плачевная, что светлое будущее становилось под вопросом. И хоть Валерий и был наслышан о множестве противоречивых высказываний от московских буддистов в адрес этой практики, всё равно повёлся. Он послушно позволил водрузить своё измождённое тело в черно-желтый амбассадор и отправить совсем не в центр Дели, где располагались супермаркеты с экзотическими товарами и многочисленными уличными базарами, а куда-то на пыльную окраину. А окраины Дели примечательны свалками мусора и неказистыми домами нищих. После вылизанной гастарбайте-

рами Москвы, Валерию были не очень приятны эти виды, и он готов был уже возмутиться, но вдруг дорога вывела их на открытое пространство, где взгляду распахнулись чистые ухоженные поля и цветущие деревни.

Через час их машина остановилась у белых ворот, увенчанных покрытой позолотой колесом и лучами идущими из центра.

– Вот приехали, – выдохнул довольный Олег и стал выбираться из машины вместе с Валериным рюкзаком.

И тут ворота открылись, и из них выглянул молодой индиец. Увидев иностранцев, он радушно улыбнулся и пригласил войти. Но в Валере что-то забурчало, засомневалось и ошетинилось. Он уже готов был развернуться и на этом же такси вернуться в душный город, как перегородившая дорогу инфинити выпустила на солнечный свет красочные панталончики, а потом и платье с шалью, выдававшей под своей праздничной раскраской тоненькую фигурку индийской девушки, которая прошествовала прямо по направлению к ашраму. Валерий, как заворуженный этим видением, вошёл вслед за ней в ворота, почти не думая о последствиях.

Но когда они зашли внутрь, мужчин и женщин развели в разные стороны. Валерий как-то сразу почувствовал усталость от долгой душной дороги и захотел спать.

На площадке перед регистрационной комнатой уже собралась небольшая группа людей. В основном это были индусы, которые сразу же с любопытством стали рассматривать вновь прибывших, и среди них совсем немного европейцев, которых, казалось, мало что интересовало, кроме собственных глубин сознания.

Ребята автоматически заполнили анкеты, отдали их и паспорта учтивому пожилому человеку в очках без оправы и направились по нагретым солнцем аллеям вглубь ашрама.

И несмотря на усталость, самое первое, что бросилось в глаза, это удивительная чистота пространства, где в расчерченном аллеями парке располагались несколько белокаменных зданий с внутренними двориками, клумбами цветов и в обрамлении причудливых деревьев. Все строения были выдержаны в едином стиле уникальной восточной архитектуры, начиная с главных ворот и заканчивая пагодой, где по кругу были расположены маленькие комнатки для индивидуальных медитаций. Крыша пагоды была увенчана белыми с позолотой башенками, на которых звенели маленькие колокольчики, по саду важно расхаживали павлины, а на деревьях кричали какие-то странные птицы голосом мяукающих кошек.

Валерий и Олег заметно отличались от всех участников и красивым накаченным телом, и дорогой одеждой, и изысканными манерами, но индусы восприняли их совершенно добродушно. Сами индийцы – народ благожелательный. В их глазах редко увидишь зависть или злость, даже если будешь одет в нечто изысканное и дорогое, в руках будешь держать новейший айфон, а на шее будет висеть увесистая золотая цепь. Успешные люди вызывают в Индии обычно неподдельное уважение. Возможно потому, что индийцы с детских лет знают, что интеллект, красота и богатство – это следствие хороших поступков самого человека, накопленных в прошлом, а не то, что приобретается случайно. Поэтому, как правило, они всех встречают с неизменной улыбкой, независимо ни от внешности, ни от красоты, ни от количества денег на счетах банка.

Всё это было потрясающе приятно. И Валера как-то успокоился, потому что место, в которое привёз его друг, выглядело не только приличным, но даже можно было сказать умиротворяющим, чего действительно так не хватало ему в последние годы, когда он день и ночь метался по Москве с выстраданным желанием как-то обозначить себя в социуме. Подняться на ту ступеньку, с которой можно было смотреть на других свысока и сказать своим родителям, что он уже не мальчик, которым можно вертеть, на ту ступеньку, чтобы можно было купить красивую дорогую машину, снять приличное жильё, одеваться в эксклюзивную одежду и чтобы ни от кого не зависеть.

Каждому выдали достаточно комфортные номера для проживания и строго проинструктировали о правилах поведения.

Десять дней он должен быть в окружении только мужчин, молчать и даже отдать свой мобильник в камеру хранения – это его вполне устраивало, потому что он знал, что индийцы народ не в меру общительный, и частенько они затрагивают темы, которые явно не интересуют Валерия, а от общения он достаточно устал ещё в Москве. Хотелось просто тишины...

2

Пространство зала для медитации заливало разбуженное индийское солнце. Валерий глубоко вздохнул, поменял затёкшие ноги и не удержался, отважился, повернул голову и посмотрел туда, где за белыми колоннами, которые условно разделили зал на две половины, сидели женщины.

Так положено в Индии, ибо в старинных текстах писалось, что когда женщины и мужчины сидят рядом друг с другом, то их концентрация на Боге исчезает и разгорается страсть, подобно тому, когда в огонь добавляют масло. Когда Валера это услышал, то только рассмеялся, потому что ему это высказывание показалось глупостью. Ему, уставшему от женского внимания не приносило столь трепетного чувства, как принесло бы мужчине неопытному или закомплексованному.

Женщины были в основном закутаны в шали, закутаны скорее всего не потому, что хотели закрыться от назойливых взглядов мужчин, а просто потому, что в Индии была зима, и в утренние часы было ещё достаточно прохладно, и только к полудню зал прогревался солнцем. И тогда разноцветные шали, пестрящие замысловатыми узорами, спадали с плеч и мягко ложились у ног своих хозяек.

И сейчас, если бы не их тихие вздохи и еле видимое движение тел, то можно было бы подумать, что это иллюзия. Потому что, когда их разделили на мужскую и женскую половину, то поначалу казалось, что это очень логично: ничто не отвлекало от сосредоточения на медитации, не надо было постоянно думать, как они выглядят без одежды, и как ты выглядишь в их глазах, и так далее. Но, однако, с прошествием времени мысли о той женской половине, которая находилась на другой территории ашрама, стали всё чаще и назойливее посещать Валерину голову.

Индианки были не познаны, загадочны, всегда прикрыты ниспадающими складками тонких тканей, разукрашенные яркими красками и рисунками, сквозь которые проглядывались ускользающие от взгляда заманчиво привлекающие формы их красивых стройных тел. Они, как никогда стали притягивать Валерино воображение и будоражить его чувственные зоны.

Он уже хотел отвернуться, как вдруг одна из индианок пошевелилась, поднесла к лицу руку и медленно отвела блестящую позолотой кромку шали, что была накинута на её голову.

Горящий взгляд её глаз, казалось подобно стреле, пересёк пространство зала и ударил его прямо в сердце. И Валерино сердце зануло, ёкнуло и перевернулось, он узнал её, почувствовал какими-то непонятными внутренностями и даже не мог поверить, что это именно та индианка из инфинити, которая, казалось, совсем его не заметила в день заезда, пройдя вместе со своими родственниками мимо, сейчас вдруг обратила на него внимание. Эти глаза сияли такой необыкновенной силой страсти, что трудно было бы найти что-то сравнимое в привычных женских образах. Европейские женщины в глазах Валерия сразу же померкли и отделились в его усталости от многочисленных любовных историй, глаза их выцвели и взгляды стали фальшивыми и наигранными. Даже его, до сей поры любимая Марина, которая работала в офисе известной на весь мир компании «Газпром», в костюмах «от Валентино», с огромными ногтями в мелкий цветочек, сразу посерела и стала каким-то далёким прошлым и подобной неинтересному кино.

«Випассана буквально переводится, как «видеть вещи такими, какие они есть на самом деле» и является одной из древнейших техник медитации Индии. Она была слегка забыта и открыта заново Гаутамой Буддой более чем 2500 лет назад и преподавалась им как универсальное средство от универсальных болезней», – Валерий не стал читать дальше. Мысли сбивались и постоянно уплывали в другое пространство. Это было совсем наоборот тому, чему учил когда-то Будда. Казалось, что его ум хотел сделать забастовку и вместо концентрации на одном, он стал кружиться в бешеном танце где ни попадя, словно дразня и издеваясь над своим хозяином. Ни с того ни сего, вместо долгожданной тишины, на него вдруг обрушилась какофония звуков, фраз, криков и мелодий забытых песен. А чудные образы настолько заполнили тёмное пространство под закрытыми глазами, которые по правилам нельзя было до конца закрывать, что у Валерия начались опасения за его здравомыслие. Мало того, этот неожиданный страстный взгляд незнакомки очень взбудоражил его фантазию, разбудил вулкан всепожирающей энергии, которая жаждала до безумия объятий и грубого сексуального насыщения. И это было удивительно, потому что в последние годы, Валерий считал себя достаточно интеллигентным и сдержанным в этом вопросе мужчиной.

Ум надо было как-то обуздать. Опять ударили в гонг и люди стали поспешно вставать с мест, словно все уже были наготове и только ждали этого спасительного звука.

Получалось, что вместо концентрации на практике, первые дни для Валерия стали мучительным преодолением своего ума и тела к усидчивому состоянию, и от этого он только страдал. Всё-таки, ему стоило признать, что если бы ни взгляды таинственной индианки, что так будоражили его ум, то возможно, он бы не смог продержаться в этом ашраме и трёх дней. Пусть даже он был наполнен причудливыми павлинами, которые издавали фантастические крики по ночам и будили его от страстных сновидений.

Конечно для того, чтобы что-то делать, надо понимать для чего ты это делаешь, и тогда всё становится преодолимо. Но видео, которое включали после медитации вечером, было на английском, а Валерий английский знал не так хорошо, чтобы понимать его с индийским акцентом.

Олег как будто почувствовал мучения друга и вечером молча, потому что нельзя было разговаривать, положил перед Валерием книгу со статьями мистера Гоенка «Искусство жизни», который и являлся зачинщиком всей этой системы под названием «Випассана», которая приобрела столь большую популярность, что подобные ашрамы стали открываться по всему миру:

«Каждый из нас стремится к миру и гармонии, это именно то, чего нам недостает в жизни. Время от времени все мы испытываем беспокойство, раздражение, дисгармонию, страдание; и когда человек страдает от беспокойства, свои страдания он не держит в себе. Он распространяет их также и на других».

Валерий отложил книгу и стал смотреть в окно на круглые причудливые стены Пагоды, обрамлённой башенками и расписанной узорами в восточном стиле. «А ведь строительство такого ашрама стоит немеренных денег, интересно, откуда берут организаторы такие деньги, если курс Випассаны для всех проводится бесплатно или за свободное подношение? Неужели есть люди, которые готовы так много пожертвовать денег на такое мероприятие, где столько мучений и дискомфорта?»

Он сидел и ел остывшие чапати вместе с далом, когда большая штора, разделявшая столовую на две части распахнулась от руки проходившего повара с дышащим паром от тушеных овощей, и Валерий чуть не поперхнулся... его глаза напрямую встретились с её глазами. Индианка сидела прямо напротив него на женской половине за другим столом. Она не отвела взгляд, а увидев его, перестала жевать и иронично прикусив губу, проскользила по его телу глазами и продолжила свою трапезу, как ни в чём не бывало.

– Я хочу с тобой встретиться, – сказал он ей на английском. Но ответа не услышал, так как штора тут же закрылась недремлющими дежурными. И В Валерии всё задрожало, взбунтовалось, загорелось. Как бы он не хотел отвлечься от этих мыслей, мысли об этой индианке, как будто почувствовавшей это, стали ещё больше завладевать его разумом. И вот перед глазами уже стали появляться видения, как он буквально срывает с неё тонкую ткань с яркими узорами, как смуглое тело податливо плывёт в его руках, как его лицо путается в её сильных прядях, как их дыхания соединяются в едином ритме...

Вечером, пока Олег был в душе, Валерий тихо выскользнул на улицу, и напрямик направился в сторону женских домиков.

Но только он ступил в пьянящую темноту индийской ночи, как со всех сторон раздались душераздирающие крики павлинов. Они кричали так истошно и дико, что Валерий в недоумении остановился, пытаясь рассмотреть их в густой мгле.

– Да, браток, индийские павлины так похожи на русских ревнивых женщин. Они такие же вульгарно пёстрые и очень крикливые, – сказал насмешливо Олег, который уже выглядывал из распахнутого окна их номера и вытирал голову полотенцем.

По аллее уже бежали разбуженные дежурные и что-то кричали на хинди. Валерию ничего не оставалось, как вернуться и подобно Олегу зайти под холодный душ.

– Я понимаю, тебя, – улыбался друг, – я ведь не в первый раз на Випассане. Не переживай, скоро всё станет намного спокойнее в твоём уме. Просто наблюдай за этим чувством. Например, мистер Гоенка пишет, что «как только мы начинаем наблюдать любое загрязнение ума, то оно начинает терять свою силу».

И так как никакого выхода не было в этой ситуации, то Валерий попробовал сконцентрироваться на своём состоянии, как бы наблюдая со стороны. В утренние часы он часто попадал в дремоту, а днём иногда стали появляться моменты очень чёткой внимательности, но их было пока очень мало. И вечером во время заключительной медитации на любви ко всем живым существам, он действительно почувствовал приятные ощущения и даже радость.

В последующие дни Валерий, почти уже не искал индианку глазами, а потихоньку стал замечать, что мысли стали успокаиваться, и хоть сидеть было по-прежнему больно, он начал с удивлением наблюдать, что внутри его тела пробуждаются какие-то невидимые и пока непривычные потоки. И это неподдельно его удивляло.

Действительно, как и обещал мистер Гоенка, с течением времени приобретался вкус к практике. И через какое-то время Валерий обнаружил, что, как ни странно, ему стало нравиться этим заниматься.

Тем более, что здесь люди получали внимание и заботу наставников, которые практически постоянно сидели в зале и медитировали вместе с ними.

«Наверное, мне так этого не хватало многие годы. Потому что, когда занимаешься с тобой, то практика становится не постоянным насилием, не постоянным преодолением лени и нежелания тела и ума тебе подчиняться, а радостью», – сказал как-то после занятий Валерий другу и улыбнулся, ему так хотелось как-то его отблагодарить. И Олег действительно засиял от удовольствия.

Приближался день, когда люди должны были уже самостоятельно медитировать в Пагоде, в отдельных закрытых от посторонних взглядов комнатах, и Валерий надеялся, что там, когда его никто не будет видеть, он наконец-то, даст себе немного отдохнуть, даже возможно выспаться, но не тут-то было. Когда им дали индивидуальные комнаты в Пагоде, он к своему удивлению, только один час просидел, прислонившись к стене. Последующие часы Валерий провел, как положено, сидя ровно с прямой спиной и скрещенными ногами, даже несмотря на то, что его никто не видел. Он даже был доволен собой, что всё-таки преодолел этот незримый барьер и стал более продвинутым.

3

В последний день Випассаны разрешили прервать молчание. Были опасения, что с таким трудом наработанное спокойствие разрушит разговоры и пустословие, но как ни странно даже индусы, которые во время прохождения Випассаны часто рассматривали иностранцев, с желанием расспросить, были спокойными и даже немного погружёнными в себя.

После прощаний и напутствий все вышли во двор, где стояли столики, и желающие люди могли оставить свои подношения за практику.

– Подожди, – остановил Валерий друга, – я хочу сделать подношение ашраму.

– Да, конечно, согласился Олег, – и направился к столикам вместе с ним.

Валерий достал кошелёк и выложил на стол несколько тысяч рупий.

– Ого, – удивился Олег, – ты щедр.

– Да, я подумал и немного посчитал: мы здесь жили в номере, который в индийских гостиницах стоит не меньше 400 рупий, мы здесь питались, и это ещё плюс-минус 500 рупий в день, нас обучали и о нас заботились, и это не менее 200 рупий... И если всё это умножить на 10 дней, то получается сумма немалая, а ведь изначально они нам предоставляли это всё бесплатно. Я не могу брать что-то, не отдав взамен, это неблагородно. Да и мне очень хочется, чтобы этот ашрам мог помогать также другим людям успокоить сознание, привести в порядок свои чувства, поэтому я положил ещё сверху. Помочь развивать такое интересное дело это ведь большее благо, чем если эти же деньги я потрачу в каком-нибудь ночном клубе в Москве за один вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.